

доступности, потенциалу туристско-рекреационных ресурсов, экономическим возможностям муниципальных администраций при их освоении. Сложившаяся система рекреационного развития имеет экстенсивный характер. Выявленные локальные рекреационные местности представляют собой цепочку небольших по площади мест концентрации туристов и отдыхающих. Уже сейчас на берегах Байкала существует определенный дефицит рекреационных территорий, поэтому в разгар туристского сезона места отдыха испытывают чрезмерные нагрузки, что при низком уровне обустройства приводит к их разрушению и резкому ухудшению санитарного состояния.

В регионе сформировалась система, направленная на охрану и снижение антропогенной нагрузки на экосистему Байкала. К ее основным элементам относятся: 1) законодательное и нормативно-правовое регулирование; 2) реализация проектов и программ; 3) осуществление экологической экспертизы; 4) проведение экологического мониторинга; 5) выполнение экологического контроля; 6) научные исследования; 7) формирование экологической культуры; 8) Байкальское экологическое движение; 9) международное сотрудничество; 10) обеспечение свободного доступа к информации.

Состояние оз. Байкал, самого глубокого пресноводного водоема планеты за время, прошедшее с объявления его Участком всемирного наследия и 10-летия федерального Закона «Об охране озера Байкал», не претерпело каких-либо заметных изменений, а качество его воды на протяжении десятилетий остается стабильным и превышает требования, предъявляемые к питьевым водам. За этот период благодаря усилиям РФ удалось соблюсти международные требования, отразить периодически возникавшие намерения о его переводе в статус Участков мирового наследия, находящихся в опасности. Общее антропогенное воздействие на БПТ имеет тенденцию к снижению. Вместе с тем, не все требования по охране природы Байкала выполнены, поэтому работы у Правительства России местных властей и общественности региона еще очень много.

В.Н. КАЗАРИН

**ПРОБЛЕМЫ РАЙОНИРОВАНИЯ
И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ДЕЛЕНИЯ СИБИРИ В 1920-е гг.:
ПОДХОДЫ ЖУРНАЛА «ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО»**

Данная статья является своеобразным продолжением результатов предыдущих научных исследований автора, опубликованных в «Иркутских историко-экономических ежегодниках» последних лет¹. Представляется, что в совокупности они помогут сформировать у читателя це-

лостное восприятие наиболее актуальных для Советского государства 1920-х гг. проблем районирования и административно-территориального деления. К числу самых обсуждаемых тем можно отнести:

- мотивы и причины отрицания прежнего (дореволюционного) деления;

- общие теоретико-методологические подходы к районированию страны и Сибири, в особенности;

- конкретные предложения по районированию Сибири и их обоснования;

- проблемы сочетания административно-территориального деления и национально-государственного строительства с учетом накопленного опыта и конкретной ситуации;

- оценка реализации районирования и его дальнейших перспектив.

Основное внимание в статье будет сосредоточено именно на этих вопросах. Конечно, на страницах журнала находили отражение и другие аспекты проблемы, но они либо имели косвенное отношение к исследуемой теме, либо носили частный, фрагментарный характер, и в силу этого не представляют для нас исследовательского интереса.

Журнал «Плановое хозяйство» стал выходить с 1924 г. как бюллетень Госплана Союза ССР под редакцией В. Базарова и М. Марковича. С 1925 г. журнал выходит уже под редакцией Л.Б. Каменева и Г.М. Кржижановского. В этом же году, чуть позднее, в состав редакционной коллегии были введены также И.Т. Смилга, С.Г. Струмилин, Н.А. Ковалевский, А.С. Мендельсон. Журнал приобретает статус политико-экономического и издается Госпланом СССР. С 1927 г. в составе редколлегии уже нет фамилий Л.Б. Каменева, И.Т. Смилги, что явилось результатом внутрипартийной борьбы в руководстве коммунистической партии и правительстве СССР, но к оставшимся членам редколлегии добавляется фамилия Р.Е. Вайсберга.

Журнал отразил все изменения «генеральной линии партии» в те сложные годы. Особенно наглядно это проявилось на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с осуществлением «великого перелома», борьбой с «правыми», а также с «чаяновщиной», «кондратьевщиной» и выявленными «вредителями в плановых органах». Весьма характерный пример, подтверждающий вышесказанное. В шестом номере журнала за 1930 г. была помещена передовая под названием «Съезд развернутого наступления социализма». Статья мало чем отличалась от передовиц того времени, изобиловала ссылками на определяющие речи на XVI съезде компартии и его решения. Однако «свыше» это было признано явно не достаточным, и в следующем номере журнала указывалось, что эта статья «была напечатана по недосмотру, находится в резком противоречии с точкой зрения редакции. В статье допущен ряд грубейших отклонений от генеральной линии партии. Нет ни слова о правой опасности как главной, не уясняется политический смысл происходившей на съезде борьбы с правыми».

В связи с этим фактом было произведено изменение состава редакции журнала. Н.А. Ковалевский был выведен из состава редколлегии и освобожден от должности ответственного редактора; этот пост заняла С.В. Шахновская. В состав редколлегии журнала ввели Э.И. Квиринга, А.Б. Маймина и Л.М. Гатовского. А уже в следующем, сдвоенном номере, седьмом-восьмом, в исправление допущенной ошибки была напечатана разгромная статья Н.В. Крыленко «Снабженцы-вредители и социалистическое строительство», изобилующая гневным обличением «правых».

Вполне объяснимо для научной и общественно-политической журналистики тех лет резкое нарастание давления идеологических установок и партийно-политического вмешательства. Это заметно даже по заголовкам статей. Однако, в 1920-е гг. научный уровень журнала был достаточно высок и не вызывал никаких вопросов. О том, что это был центральный журнал соответствующей проблематики, свидетельствует тот факт, что с четвертого номера за 1930 г. журналы «Плановое хозяйство» и «Экономическое обозрение» объединились в единый журнал «Плановое хозяйство». А с пятого номера за тот же год журналы «Вестник статистики» и «Статистическое обозрение» слились с журналом «Плановое хозяйство». Последний факт, однако, свидетельствовал скорее о том, что статистические данные в СССР засекречивались, а их публикация резко сокращалась. Но журнал «Плановое хозяйство» продолжал публиковать некоторые статистические материалы и в дальнейшем.

Интересна история создания Госплана, органом которого являлся журнал «Плановое хозяйство», и назначения первым председателем Госплана Глеба Максимилиановича Кржижановского. Решение Совета Народных Комиссаров РСФСР о создании Госплана было принято в конце февраля 1921 г., в тот же самый день, когда была опубликована статья В.И. Ленина «Об едином хозяйственном плане». Чуть ранее председатель Совнаркома В.И. Ленин подготовил список состава Госплана из 27 человек, в который вошли преимущественно ученые-электротехники (И.Г. Александров, Г.О. Графтио, Л.К. Рамзин и др.). Председатель Совнаркома был твердо убежден в том, что в составе Госплана должны преобладать не «литераторы» и не «администраторы», а ученые и техники. В начале апреля 1921 г. Совет Труда и Оборона (СТО) утвердил окончательный список Госплана (35 чел.) и его президиум. В состав Госплана были дополнительно включены известные ученые И.М. Губкин, В.Р. Вильямс, а также экономисты и статистики Л.Н. Крицман, П.И. Попов, С.Г. Струмилин и др.

Кандидатура Г.М. Кржижановского на пост председателя Госплана встретила некоторые возражения в ЦК партии на том основании, что он — не администратор. Тогда В.И. Ленин тут же посоветовал создать «архитвердый президиум» Госплана и найти Г.М. Кржижановскому в качестве заместителя хорошего администратора. Утвержденный председателем Г.М. Кржижановский привлек в Госплан большую группу представите-

лей старой научно-технической интеллигенции². Глеб Максимилианович Кржижановский — видный деятель революционного движения в России, государственный деятель СССР, ученый-энергетик, первый председатель Госплана (1921–1930), один из основных разработчиков первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР³.

В 1925 г. Лев Борисович Каменев (Розенфельд) являлся членом Политбюро ЦК РКП(б), с 1923 г. занимал должность директора Института Ленина, с 1924 г. — председатель СТО. В дальнейшем неоднократно исключался из состава ЦК ВКП(б), из самой правящей партии, восстанавливался, а в 1936 г. по приговору военной коллегии Верховного суда СССР был расстрелян⁴. В 1988 г. Пленум Верховного суда СССР посмертно реабилитировал Л.Б. Каменева. Ивар Тенисович Смилга, профессиональный революционер, член Реввоенсовета и командующий армией и фронтом в годы Гражданской войны, после ее окончания перешел на хозяйственную работу в качестве заместителя председателя Высшего Совета Народного хозяйства (ВСНХ), а с осени 1923 г. — заместитель председателя Госплана Союза ССР. Также был исключен и восстановлен в партии, в 1938 г. репрессирован и реабилитирован посмертно⁵. С.Г. Струмилин — известный ученый, специалист в области истории экономики и статистики. Характерно, что, будучи членом редколлегии журнала, он опубликовал книгу «Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы» (М.; Л., 1930).

Из нового состава редколлегии журнала самой известной личностью являлся Эммануил Ионович Квиринг. Немец по национальности, он еще в 1913 г. был секретарем большевистской фракции IV Государственной думы. В 1918–1919 гг. — секретарь ЦК КП(б) Украины, председатель Совета Народного Хозяйства (СНХ) Украины. В 1923–1925 гг. возглавлял Коммунистическую партию Украинской ССР. С 1927 по 1931 г. работал заместителем председателя Госплана СССР. В 1937 г. был репрессирован, осужден и расстрелян. Посмертно реабилитирован военной коллегией Верховного суда СССР в 1956 г.⁶

К постоянным авторам журнала относился Николай Николаевич Колосовский, один из основателей советской экономико-географической районной школы. Он окончил один из старейших учебных заведений России — Петербургский институт инженеров путей сообщения и по распоряжению военного ведомства был направлен в Забайкалье. С 1918 по 1920 г. работал в Управлении водных и дорожных исследований Ленско-Байкальского округа путей сообщения. В 1920 г. перешел на работу в Горный институт ВСНХ. Здесь ему поручили рассмотреть проект Урало-Кузбасса, разработанный Томским обществом инженеров. В том же 1920 г. Н.Н. Колосовский принял участие в работе VIII Всероссийского электротехнического съезда, где впервые встретился с видными деятелями будущего Госплана: Г.М. Кржижановским, И.Г. Александровым, И.И. Федоровичем и др.

Н.Н. Колосовский руководил организацией и проведением съездов по экономическому районированию Западной Сибири (в Новосибирске в 1923 г.), Восточной Сибири и Дальнего Востока (в Чите в 1924 г.). В 1928-1929 гг. Н.Н. Колосовский принимал участие в составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. На него было возложено общее руководство работами по планированию развития производительных сил Урала, Сибири и Дальнего Востока. В 1930 г. ему поручили организацию комиссии по Урало-Кузнецкому комбинату при президиуме Госплана Союза ССР. С 1931 по 1936 г. Н.Н. Колосовский работал в Управлении по исследованию Ангары⁷.

Перечень этих имен подчеркивает, что в состав редколлегии и в число постоянных авторов журнала входили известные люди, с богатой биографией, видные ученые, что поднимало общественно-политический и научный уровень журнала и в то же время отражало все изменения партийно-государственной политики того периода.

Перейдем к рассмотрению заявленных выше проблем, нашедших отражение на страницах «Планового хозяйства». По вопросам не возможности сохранения старого административно-территориального деления на страницах журнала нет развернутых положений и подробной аргументации. Мы встречаем лишь простую констатацию непригодности прежнего деления. Этот тезис казался тогда само собой разумеющимся и не нуждающимся в каких-либо доказательствах. Н. Тоцкий, например, писал, что административное устройство, созданное «Учреждением о губерниях» Екатерины II, «оказалось непригодной формой для того, чтобы справиться с новым содержанием административной деятельности, при котором государственные органы из органов административной деятельности управления превращаются, прежде всего, в органы государственного хозяйства». Наилучшим образом соответствуют интересам нашего Союза новая система организации территории. Это — район как низовой орган управления и хозяйства, область как крупное объединение, располагающее относительно большими штатами и средствами, и округ как непосредственная их связка⁸.

Одним из вопросов, нашедших отражение на страницах журнала, явилось обсуждение критериев низового звена, которое должно было заменить существовавшие уезды и волости. Этим звеном стала укрупненная волость, или районная волость, что тождественно, то есть ставшее привычным позднее название «район». В журнале уже за 1924 г. были определены примерные критерии районной волости. Она представлялась как основная низовая административно-хозяйственная единица, с населением примерно 20–25 тыс. чел. и площадью радиусом 15–20 верст. Центром ее должно было стать какое-либо большое торговое село, к которому бы тяготели другие малочисленные населенные пункты, объединенные общностью экономических интересов. В самом же районном центре необходимо было сосредоточить главные промышленные, сель-

скохозяйственные, кооперативные предприятия и культурные учреждения. Район должен был иметь собственный бюджет, аппарат управления, выполняющий функции, аналогичные действовавшим тогда и оставшимся от дореволюционных лет уездных центров. Задача эта должна быть решена в кратчайшее время и не на отдельных территориях, а на «всем пространстве Советского Союза»⁹.

Общий подход к районированию РСФСР был предложен К. Егоровым. В качестве критерия районирования он выделял мощные территориальные звенья (районы). В соответствии с этим подходом он выделил четыре группы экономических районов:

1. Северо-Западный, Центрально-Промышленный районы, Уральская область;

2. Западно-Центрально-Черноземная, Средне-Волжская, Нижне-Волжская области и Северо-Кавказский край;

3. Казахстан (тогда писали «Казакстан»), Сибирь и Дальний Восток;

4. Вятско-Ветлужский край и Северо-Восточная область¹⁰.

Позднее, в 1929 г. К.Д. Егоров написал специальную статью «Национальное размежевание и экономическое районирование», опубликованную в сборнике «Строительство Советского государства». В ней он остановился на том, что понятие «районирование» изменялось в различные эпохи, а в досоветский период означало, главным образом, порайонное изучение географии и экономики страны. А в условиях советского строя районирование предполагало создание административно-хозяйственных систем. В соответствии с новыми реалиями при проведении районирования должны быть решены такие задачи как, взаимоотношения краевых (областных) органов с общереспубликанскими и общесоюзными органами; взаимоотношения краевого центра с автономными республиками; и проблема крупных городов¹¹.

Что же в целом понималось под экономическим районом? С.И. Шаров следующим образом определял это понятие: «Экономический район — это программа хозяйственной деятельности в смысле развития и использования производительных сил и в смысле порядка хозяйственного управления». Основой районирования являлись производительные силы как геофизического, так и социального порядка. Экономические и административные границы областей не должны и не будут совпадать. Совпадение их возможно лишь в исключительных случаях. Но административное и экономическое районирование должно поддерживать друг друга¹². В дальнейшем С. Шаров в своих публикациях возвращался к этой теме. Он четко разграничил районирование административное и районирование экономическое. Под административным районированием он понимал «точное установление тех территориальных ее подразделений, на которые распространяются действия определенных органов управления; таких общих, как советы и их исполкомы; или специальных, управления военных дел, прокуратура, милиция, статистические органы,

финансовая инспектура и др.». А экономическое районирование «есть выяснение состава и территориального размещения ее производительных сил, геофизических и социально-экономических». Административный район — это деление страны распоряжением ее высшей власти на твердо ограниченной территории в целях удобства для государственного аппарата и населения в их взаимных отношениях. Экономический район — это отбор отдельных местностей страны на основе определенных, существующих в природе геофизических и социально-экономических их данных¹³, — писал он.

Вопросам методологии районирования посвятил свою статью один из видных экономистов того времени И.Г. Александров. Он высоко оценивал достижения в области районирования русской дореволюционной школы, однако подчеркивал, что эти работы не ставили практические вопросы о том, «какое употребление может быть сделано из каждой таким образом полученной сетки границ». Прежняя литература, по его мнению, преследовала в основном познавательные цели. И именно революция поставили иные, масштабные задачи.

Сам И.Г. Александров предложил для решения практических задач две предпосылки. Первая: районирование, разделяя территорию на специфические части, может явиться методом целесообразного разделения труда между различными частями государства как экономически целого. Вторая: районирование должно стать основой организационной проблемы при построении новых экономических форм. Исходя из таких подходов, И.Г. Александров считал, что район должен строиться как законченное экономическое объединение, но не замкнутое в своих экономических действиях. Поэтому район не должен содержать в себе всех сторон экономической деятельности, а только те, которые являются наиважнейшими.

В основу разделения районов должен быть положен производственный принцип, так как именно он являлся определяющим для территории и наиболее актуальным. Физикогеографический метод, определявший район по природным характеристикам, мог быть использован, но не в полном объеме. Самое основное, по мнению И.Г. Александрова, заключалось в тесной увязке районирования с построением плана хозяйственного развития страны в новых условиях¹⁴.

Вопрос о районировании Сибири относился к числу наиважнейших в первой половине 1920-х гг. В 1921 г. Госпланом была разработана схема районирования Сибири, предусматривавшая создание шести экономических районов:

1. Обский район с центром в Омске, в составе Омской губернии, Курганского, Ишимского, Тобольского уездов.

2. Кузнецко-Алтайский район с центром в Новониколаевске, в составе Томской, Новониколаевской, Алтайской губерний и Ойротской автономной области.

3. Енисейский район с центром в Красноярске, совпадающий в значительной части с Енисейской губернией.

4. Якутский район с центром в Якутске, совпадающий с территорией Якутской автономной республики.

5. Ленско-Байкальский район с центром в Иркутске, в составе Иркутской и Забайкальской губерний; позднее из Забайкальской губернии выделилась Бурят-Монгольская автономная республика.

6. Приморский (Дальневосточный) район, включающий Амурскую, Приморскую, Камчатскую губернии и остров Сахалин.

Этот проект районирования Сибири и Дальнего Востока рассматривался на местах в плановых комиссиях Сибревкома и Дальревкома, в губернских плановых комиссиях и обсуждался на специальных съездах. В 1923 г. проект обсуждался в Новониколаевске на съезде территорий, подчинявшихся Сибревкому, а в 1924 г. в Чите — с участием представителей губерний территорий Дальревкома, а также Иркутской губернии, Якутской и Бурят-Монгольской республик.

Новониколаевский съезд принял за основу проект районирования для Западной и Восточной Сибири, предложенный Госпланом, внося небольшие коррективы в границах между районами. Проект создания Лено-Байкальского края (области) был признан вполне удачным. На Читинском съезде идея создания Лено-Байкальского края встретила возражения со стороны представителей Бурят-Монгольской республики.

Но весной 1925 г. ситуация по представлению проектов районирования Сибири изменилась. Было внесено три проекта: Сибревкома, Дальревкома и Иркутского губернского исполкома. Проект Сибревкома предусматривал создание Сибирского края в составе Омской, Новониколаевской (Новосибирской), Томской, Алтайской, Енисейской губерний и Ойротской автономной области. Что же касалось Иркутской губернии, то она должна была находиться во временном подчинении Сибревкома до окончательного решения вопроса о Лено-Байкальском крае.

Проект Дальревкома предусматривал преобразование территории Дальневосточного края в областное образование районированного типа. При этом, в отличие от предыдущего плана, Забайкальская губерния должна быть включена в территорию Дальневосточного края. А проект Иркутского губисполкома отстаивал проект Лено-Байкальского края в составе Иркутской, Забайкальской губерний, Бурят-Монгольской республики, а также Канского уезда Енисейской губернии.

Таким образом, эти предложения 1925 г. существенно изменяли первоначальную схему Госплана, поскольку в итоге вместо шести предлагаемых экономических областей, предполагались только четыре района, а именно:

1. Сибирский край с центром в Новосибирске.
2. Дальневосточный край с центром в Хабаровске.
3. Лено-Байкальский край с центром в Иркутске.

4. Якутская автономная республика.

Как видим, создание предполагавшихся ранее Обского и Енисейско-го экономических районов не предусматривались новым проектом. Они входили в состав Сибирского края.

Каково отношение к этому проекту одного из постоянных авторов журнала Н.Н. Колосовского? Положительное. Почему? Енисейская губерния в силу ее тогдашнего слабого хозяйственного развития не могла претендовать на обособленное экономическое оформление, и поэтому присоединение ее к более мощному Кузнецко-Алтайскому району было вполне обоснованно. Что же касалось Обского района, то его значительная часть к этому времени была передана в состав Уральской области.

Наиболее проблемным оставался вопрос о создании Лено-Байкальской области. Н.Н. Колосовский считал возможным вернуться к проекту Госплана о создании этой области, но уже под новым углом зрения, с учетом перспектив хозяйственного развития и общих экономических проблем Сибири и Дальнего Востока. Ученый выразил уверенность в том, что Лено-Байкальский район «рано или поздно будет огромным промышленным центром». При этом Н.Н. Колосовский считал, что Лено-Байкальская область может быть только объединением Иркутской, Забайкальской губерний и Бурят-Монгольской республики. Без такового объединения все крупные хозяйственные начинания будут затруднены, если не обречены на неудачу. Главной проблемой в образовании Лено-Байкальского края являлась позиция Бурят-Монголии. Если по этим причинам создание краевого исполкома являлась невозможным, то тогда, по мнению Н.Н. Колосовского, желательно было объединение типа Среднеазиатского с уполномоченным Советом Труда и Оборона в главе и объединением в его лице ведомственного и хозяйственного аппаратов центрального подчинения. Кроме того, Колосовский выразил надежду на то, что позиция Дальревкома не будет противоречить схеме районирования Сибири, предложенной Госпланом¹⁵. Иначе говоря, Дальревком не будет настаивать на присоединении Забайкальской губернии к Дальневосточному краю, а оставит ее в составе Лено-Байкальского края.

В конце 1920-х гг. Н.Н. Колосовский вновь вернулся к проблеме экономического районирования страны, обобщая уже накопленный опыт. Отметив, что административно-территориальная перестройка Союза ССР была уже практически завершена, оставалась вторая часть: организация районов как целостных производственных комбинатов с известной специализацией, с определенным распределением хозяйственных функций между центром и районами, с децентрализацией оперативной деятельности при централизации государственного плана.

На рубеже 1920–1930-х гг. сложилась достаточно сложная система управления народнохозяйственного управления страны. В рамках этой системы имелись:

1. Наркоматы, одновременно осуществляющие и нормативно-законодательные функции и инспектирование хозяйственной работы.
2. Областные и республиканские съезды Советов с широкими правами в области регулирования и планирования.
3. Плановые органы.
4. Контролирующие хозяйство организации ведомственного и общественного характера.
5. Кооперативы.

В реконструктивном периоде, по мнению Н.Н. Колосовского, произойдет усложнение задач, поставленных перед всей системой хозяйственного управления. Экономические области должны быть созданы в границах, определенных не местными и не национальными, а общесоюзными соображениями¹⁶.

Н.Н. Колосовский делил всю Сибирь в хозяйственном отношении на три части: 1. Западная и Средняя; 2. Восточная; 3. Дальний Восток.

В Западную и Среднюю Сибирь он включил Омскую, Кузнецко-Алтайскую, Енисейскую экономические области; в Восточную Сибирь — Иркутскую и Забайкальскую губернии, Бурят-Монгольскую и Якутскую АССР, составлявшие Лено-Байкальскую и Якутскую экономические области Госплана. В Дальний Восток он включил Дальневосточную экономическую область Госплана, то есть Забайкалье не входило в понятие «Дальний Восток». В наиболее сложном экономическом отношении оказывалась Якутская АССР, территория которой составляла одну треть часть всей территории Сибири.

Темпы восстановления промышленности Сибири отставали от темпов в европейской части страны, однако, по мнению Н.Н. Колосовского, для индустриализации Сибирского края имелись благоприятные условия. К ним он отнес: использование гидравлических ресурсов южно-байкальского района, района Ангарских порогов, Черемховского угольного бассейна, постройку железной дороги Верхнеудинск–Кяхта–Урга¹⁷.

В связи с проведенным районированием показательна статья представителя Сибирского краевого исполнительного комитета в Москве Л.И. Белорусеца. Он положительно оценивал создание вместо запланированных Госпланом областей Сибирского края, Дальневосточного края, Бурят-Монгольской и Якутской автономных республик. Это произошло потому, что созданные революционные органы власти (Сибревком и Дальревком) в период административного и хозяйственного руководства территориями крепко спаяли отдельные части, а для новых административно-территориальных единиц уже были созданы готовые аппараты. Самое основное в его позиции заключалось в том, что дальнейшая разработка хозяйственных перспектив районированных областей должно строиться в созданных территориальных рамках, должна быть твердо увязана с «кругом полномочий и прав руководящего аппарата областей»¹⁸. Такая постановка вопроса встретила критику со сторо-

ны Н.Н. Колосовского, который считал неправильным в перспективном планировании принимать за основу «жесткую данность переходящих административных моментов сегодняшнего дня». За основу необходимо было, по его мнению, брать экономическое, а не административное деление территории.

Н.Н. Колосовский утверждал, что в ближайшие 10–15 лет должны быть заложены прочные основы новой экономики Сибири, которая проектируется в виде системы экономических районов Госплана. Этим самым можно будет преодолеть «плоскость узко-сибирских вопросов» и мыслить в плоскости «союзных подходов к Сибири и Дальнему Востоку»¹⁹.

К вопросам экономического развития Сибири обращался не один автор журнала. Показательна статья Н.Я. Новомбергского, который, кстати, участвовал в работе Временного Сибирского, а позднее Временного Всероссийского и Российского (адмирала А.В. Колчака) правительствах²⁰. Основываясь на материалах Сибирской краевой плановой комиссии, он определил стержневое направление развития народного хозяйства Сибирского края. По его мнению, необходимо было форсировать развитие добывающей и обрабатывающей промышленности, проводить индустриализацию сельского хозяйства, развивать лесную промышленность, укреплять хозяйственный быт северных туземцев, улучшать работу всех видов транспорта и продолжать научные исследования. Центральной проблемой являлось развитие Кузнецкого бассейна и создание тяжелой промышленности²¹.

Особое место в проектах районирования занимала территория Восточной Сибири. Ее будущее тесно связывалось с перспективами использования энергии р. Ангары. Генеральный план развития народного хозяйства Союза ССР предполагал значительное хозяйственное строительство в районах Сибири. Первое место среди них занимали энергетические центры. По подсчетам, в конце 1920-х гг. в этих районах было сосредоточено более 83% всех запасов энергии страны. Среди районов Сибири первые места по запасам энергии занимало два крупных района: Кузнецко-Алтайский и Ленско-Байкальский. В первом доминировали громадные запасы каменного угля, а во втором — относительно дешевая водная энергия, каменные угли и так называемые «богхедовые» угли. Кузнецко-Алтайский район на тот момент был изучен гораздо лучше; литературы же по Ленско-Байкальскому району было гораздо меньше.

Н.Н. Колосовский указывал, что именно Лено-Байкальский район занимал первое место в Союзе ССР по изобилию дешевых видов энергии. Лено-Байкальский район имел все необходимое для того, чтобы стать поставщиком цветных, драгоценных и редких металлов. Именно в рамках Лено-Байкальского района Н.Н. Колосовский предлагал начать проектировать три основных комплекса:

1. Группа промышленных производств, связанных с использованием р. Ангары.

2. Группа производств, связанных с использованием энергии Черемховских углей.

3. Группа производств, связанных с использованием скотоводческих ресурсов²².

К проблеме использования водных ресурсов Ангары обратились и известные ученые-экономисты того времени И. Александров и В. Малышев. Исключительное обилие дешевой энергии само по себе представляло крупную народнохозяйственную ценность. Характерно, что в 1930 г. для характеристики района Ангарстроя ученые использовали данные по проектируемой ранее Госпланом СССР Лено-Байкальской области. Это еще раз доказывает, что, несмотря на проведенное административно-территориальное деление, надежда на создание этой экономической области сохранялась. Учитывая плотность и территориальное размещение населения, авторы полагали, что наибольший интерес может представлять выплавка в этом районе алюминия, а также развитие производства ферросплавов и целлюлозы²³.

Гораздо меньше на страницах журнала «Плановое хозяйство» уделялось экономическому развитию районированных автономных образований. В шестом номере журнала за 1930 г. была опубликована статья о перспективах развития Ойратской автономной области (Ойратии). Расположенная на юге Сибирского края, занимавшая территорию 90,4 тыс. км² горного Алтая с населением чуть более 100 тыс. чел., которое занималось в основном экстенсивным животноводством, Ойратия имела небольшие золотые прииски, возникшие еще в дореволюционный период. В горном Алтае, по мнению автора, следовало развивать лесное хозяйство, золото — и каменноугольную промышленность. Область также могла выступать поставщиком ценных лекарственных растений и кедрового ореха²⁴.

Серьезнейший вопрос, имевший тогда политическое и идеологическое звучание, неоднократно обсуждавшийся на съездах коммунистической партии и съездах Советов, был вопрос о сочетании принципов политико-территориального устройства и национально-государственного строительства. Этот вопрос, в отличие от подходов к принципам районирования, носившим во многом теоретико-методологический характер, имел самое политико-практическое выражение и упирался в конкретное решение национального вопроса в бывшей Российской империи в форме создания союзных республик, автономных республик и областей.

Предложения Госплана по районированию в 1922 г. были доложены Совету Труда и Оборона (СТО), который, в свою очередь, обратился во ВЦИК с просьбой организовать комиссию из состава членов ВЦИК, представителей ведомств и национальных автономий для проработки основных предложений Госплана. С этой целью и была создана комиссия, которую возглавил Председатель ВЦИК Советов РСФСР М.И. Калинин. Впоследствии ее так и называли «комиссия М.И. Калинина».

Одним из вопросов, постоянно рассматриваемых комиссией, являлся национальный вопрос. Комиссия установила, что национальные автономии и республики «при правильном проведении системы районирования, не только не теряют предоставляемых им прав, но и приобретают прочную базу как для самостоятельного развития, так и для успешного выполнения деятельности, как членов Союза»²⁵.

Необходимо отметить, что существовали взгляды, согласно которым в ходе районирования во главу угла будут поставлены исключительно экономические соображения, поэтому будущее существование национальных республики и областей будет поставлено под вопрос. К. Егоров резко критиковал подобные взгляды и, ссылаясь на позицию комиссии ВЦИК, заключающуюся в том, что политические права и свободы национальных объединений не подлежат умалению, а их границы — изменениям при осуществлении районирования, считал, что не только союзные республики, но и отдельные автономии следует рассматривать как национальное целое, с хозяйственным организмом. Именно поэтому, по его мнению, было несвоевременно и нецелесообразно говорить о вхождении Башкирии в Уральскую область, Татарстана — в Средне-Волжскую область, а Бурят-Монголии — в Лено-Байкальскую область. Напротив, в ходе районирования требовалось создать наряду с областными (краевыми) объединениями мощные национальные образования, которые будут равновеликими по культурному и экономическому значению²⁶.

В целом же в середине 1920-х гг. в Союзе ССР насчитывалось 30 национальных автономий, из которых 16 являлись автономными республиками и 14 автономными областями. В совокупности они занимали 42,5% всей территории Союза и составляли около 15% всего населения страны. При этом надо учесть, что эти 30 автономий располагались в 15 из 21 запланированного экономического района по сетке Госплана. Национальных автономий такого статуса не было в Западном, в центрально-Промышленном, Центрально-Черноземном, Обском, Енисейском и Приморском районах²⁷. Показательно, что из 42,5% всей территории Союза ССР автономные республики составляли 38,6% и автономные области — 3,9%. Однако, по мнению Н. Козловского, все национальные автономии, за исключением Якутии и, отчасти, Казахстана, не представляли в экономическом смысле территориально-хозяйственного целого. Они являлись лишь небольшими составными частями или подрайонами установившихся экономических районов²⁸. Как видим, позиция Н. Козловского по этому вопросу существенно расходилась с позицией К. Егорова. Последний считал национальные автономии самодостаточными, равновеликими в экономическом отношении территориями, а Н. Козловский указывал, что они являются только частями установившихся экономических районов. В то же время на территориях автономий тогда насчитывалось 20,7% общего поголовья скота, им принадлежало 14,6% посевной площади, 11% союзной сети железных дорог. Однако в целом они явля-

лись самыми отсталыми в экономическом отношении частями Союза по своему промышленному развитию²⁹. В связи с этим на страницах журнала «Плановое хозяйство» звучали предложения об экономическом развитии сибирских национальных автономий. Г.Н. Черданцев, например, считал наиболее важным для Якутии развитие северного морского пути, развитие речного пароходства, золотопромышленности, рыбного дела, а также лесопромышленности. Для Бурят-Монголии основным он полагал развитие скотоводства³⁰.

В этой связи несомненный интерес представляет сравнительный анализ решения национального вопроса на окраинах теперь уже Советского государства и в Сибири. К рассмотрению этой проблемы обратился профессор А.А. Алексеев. В качестве предмета исследования он избрал районирование Северного Кавказа. По сравнению с имевшимся на тот период (середина 1920-х гг.) опытом районирования Урала, где не было автономных национальных объединений, на Северном Кавказе были две объединенные автономные области (Карачаево-Черкесская и Кабардино-Балкарская) и две простых области (Чеченская и Адыгейская). Из бывшей Горской автономной республики выделились Северная Осетия, Ингушетия, Сунженский округ и г. Владикавказ. Было принято решение Президиума ВЦИК о вхождении их в состав Северо-Кавказского края.

Каким образом это совмещалось с проведением районирования на юге России? Профессор А.А. Алексеев утверждал, что эти национальные объединения не только не претерпят при проведении районирования никакого умаления предоставленных им прав, но и получают возможность достигнуть «высшего хозяйственного и культурного развития». Каким образом произойдет разграничение функций управления краевых и автономных органов? «Союзные» функции управления, а именно иностранные дела, внутренняя торговля, пути сообщения, почтово-телеграфное дело изъяты из компетенции автономных республики и находятся в ведении уполномоченных народных комиссариатов СССР при краевом исполкоме. В выполнении функций финансово-хозяйственного значения, к которым относятся финансы, труд, внутренняя торговля, рабоче-крестьянская инспекция, национальные объединения не являлись самостоятельными, а подчинялись единой финансовой и хозяйственной политике на всей территории страны. В ведении автономий оставались внутреннее управление, народное образование, здравоохранение, местное хозяйство, управление которыми осуществлялось независимо от краевых и центральных органов власти. Все спорные вопросы между окружной властью и управлениями разрешались президиумами краевого исполкома, а разногласия между краевой властью и национальными объединениями передавались на разрешение Президиума ВЦИК³¹.

Каким же образом авторы журнала оценивали результаты, включая и промежуточные, районирования, какие в связи с этим им виделись проблемы и перспективы? Один из авторов, Л.П. Никитин, отметив, что в

1923–1925 гг. было проведено районирование Урала, Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, а также Украины, Белоруссии и Туркменистана, положительно оценил опыт районирования Урала и Северного Кавказа. Именно там, по его мнению, была создана наиболее стройная и близкая к населению система организации, а местное хозяйство получило более последовательное осуществление³².

Следует отметить, что в 1926 г. все организации, которые занимались подготовкой материалов для районирования (областные плановые комиссии, например) прекратили свое существование. Союзный Госплан все время осуществлял наблюдение за ходом районирования.

В результате районирования появилось три новых образования: район, округ и область (край). Если округа и области были известны дореволюционному административно-территориальному делению, то район — совершенно новая единица, для которой характерна большая, чем у дореволюционной волости, территория, и более широкие права. Самым слабым звеном в новом административно-территориальном делении явился округ. Н.Н. Колосовский и Л.П. Никитин расценивали его как следствие незаконченности и компромиссного характера реформы в РСФСР. Область (край) — это организация более сложного характера. На нее возлагалось выполнение ряда местных задач управления и хозяйства, требующих охвата межокружных интересов, а также регулирования окружных бюджетов³³. Напротив, С. Шаров считал, что самое понятное в проведенном районировании — это округ. Его он расценивал как небольшую губернию и по размерам территории и по административно-хозяйственным функциям. А вот «что должна делать область, — писал он, — твердо не установлено. Не решен, по его мнению, был и вопрос о селе в системе районирования³⁴.

К 1928 г. в РСФСР результаты районирования выглядели следующим образом. Было образовано пять новых краев: Сибирский, Дальневосточный, Северо-Кавказский, Северо-Западный и Уральский. Одни из авторов журнала, Н.М. Тоцкий полагал, что их границы, так же как и границы автономных республик (Якутской, Татарской и Крымской) совпадали с одним или двумя (как Казахстан) запроектированными Госпланом СССР экономическими районами. Четыре автономные республики (Дагестанская, Башкирская, Киргизская и Бурят-Монгольская) при проведении районирования не вошли в состав проектируемых областей. После районирования самым большим по территории стал Сибирский край (20,5% к территории РСФСР), далее шел Дальневосточный край (13,8%), а Северо-Кавказский край занимал всего 1,5% территории РСФСР. Такая же диспропорция была характерна и для автономных республик: Якутская АССР занимала 20,4% площади Российской советской федерации, а Бурят-Монгольская, к примеру, — 2%. Самым населенным стал опять-таки Сибирский край — 8,5% населения РСФСР, следом шел Северо-Кавказский край — 8,3%, а в огромном по площади Дальневосточном крае про-

живало всего 1,9% населения РСФСР. В целом же к началу 1928 г. районированными оказалось уже 82,8% территории РСФСР³⁵.

Заслуживает внимания позиция Н.Н. Колосовского по вопросу соотношения районирования и национально-государственного строительства, которая отличалась от остальных, и автор не побоялся ее высказать. Он полагал, что прошлое обособление национальных образований от районных экономических комплексов, в известной мере, отрицательно повлияло на широту и размах перспективных планов. Если ранее национальное размежевание было «может быть единственным средством для осуществления патронажа центральной власти над отсталыми народами и защиты их от эксплуатации более сильными районами, то ныне с принятием пятилетнего плана и ростом планового хозяйства эти опасения должны отпасть и лозунгом национальной политики должна стать кооперация районного и национального строительства. Экономический фактор должен стать определяющим. Он полагал, что, по-видимому, встретятся организационные затруднения при осуществлении хозяйственного развития территорий Зауралья, Северного Казахстана, отчасти Сибирского края. Возможно, придется создавать и новые краевые объединения: Степной, Северо-Западный, Ленско-Байкальский края. Будущие районные хозяйственные концерны должны в юридической форме отразить действующее единство всего государственного хозяйства³⁶.

Отменяло ли проведенное районирование вопрос о дальнейшем создании крупных экономических районов? Нет, по мнению указанных выше авторов, эта идея вновь становилась актуальной. Исходя из идеи организации экономического района как доведенного до «логического предела производственного комбината», авторы полагали, что на первом этапе реформы местное хозяйство будет стянуто в области и постепенно реконструироваться. А на втором этапе произойдет обобществление всего хозяйства. Все это, однако, не устраняет существующую проблему. Она заключалась в том, что одновременное существование районированных территорий, полурайонированных (т.е. губерний без уездов), нерайонированных губерний, а также национальных автономий как районированных, так и нерайонированных — все это создавало полную бессистемность в административном устройстве и требовало скорейшей ликвидации «исторических пережитков». Ими, по мнению авторов, и являлись дореволюционные губернии и уезды. Поэтому, предлагали они, необходимо было в течение года подготовить общий законопроект о проведении дальнейшего районирования, в основу которого должен быть положен первоначальный проект Госплана³⁷.

Отличались ли по показателям районированные территории от нерайонированных? Иначе говоря, был ли положительный результат районирования. Проведенный опыт районирования Урала и Северного Кавказа показал, что районированные области по росту основных капиталов и по росту местного бюджета давали более быстрый темп, чем нерайонированные области. Границы районированных областей

расценивались как более-менее приуроченные к природным и экономическим условиям районов.

Районированные области имели и преимущества перед старым губернским делением. Объектом плановой деятельности являлся «не случайный территориальный агломерат», а экономически более-менее целостный район или «территориальный комбинат». Плановые органы получили возможность вести работу сосредоточенными силами «без распыления внимания и сил». В нерайонированных областях сохранялась слабая финансовая база, что создавало кадровые затруднения и в целом отрицательно влияло на руководство территорией³⁸.

Важно также проследить, как оценивались итоги ликвидации округов. Постановление ЦК ВКП(б) о ликвидации округов было принято 6 июля 1930 г. и утверждено XVI съездом партии. Было решено ликвидировать округа к 1 октября 1930 г. Фактически они перестали существовать примерно с 15 сентября того же года. Показательна статья секретаря Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР Авеля Енукидзе в журнале «Плановое хозяйство». Как безусловно положительный факт он отметил, что упразднение округов произошло без пересмотра границ районов в сторону значительного укрепления их территории, несмотря на то что со стороны краевых организаций и даже отдельных республик были предложения о сокращении количества районов от одной трети до половины. Произошла лишь ликвидация некоторых пригородных районов или их слияние с городскими районами, но это затронуло не более 10% общего количества районов. Главным достижением реформы по ликвидации округов А. Енукидзе считал приближение аппарата управления к селу и не укрупнение районов. К числу недостатков реформы он отнес сохранившийся стиль работы аппарата, выразившейся в «чудовищном потоке циркуляров, писем и запросов». Кроме того, не выполнено постановление о переброске в районы примерно 90% ответственных работников окружного масштаба. По предварительным данным, в районы было переброшено чуть более 60–65% вместо 90%. Этому имелись и объективные причины: плохие квартирные условия для вновь прибывающих работников, плохая их встреча, неудовлетворительное снабжение и др. Выход из создавшегося положения напрашивался сам собой: активнее выдвигать на руководящую работу в районы рабочих и колхозников из числа актива сельской бедноты и «лучших середняков»³⁹.

В определенной степени положения программной статьи А. Енукидзе были дополнены в статье Я. Пайкина, опубликованной в том же номере журнала «Плановое хозяйство». Автор предостерегал от понимания ликвидации округов как простой реформы административной системы. «Ликвидация округов, — писал автор, — открывает дорогу творческой инициативе районных организаций. Районы, переведенные на «самостоятельность», в интересах усиления темпов их социалистической реконструкции обязаны овладеть полностью низовым планированием». Кроме того, на районы вполне в духе времени и стоявших тогда задач,

налагалась задача «показать превосходство социалистических форм коллективного хозяйства в условиях обострения классовой борьбы». Ликвидация округов совпала по времени с решающим этапом в партийно-правительственной политике в деревне, а именно переходу к сплошной коллективизации, осуществляемой в жестких формах, и «ликвидации кулачества как класса». Именно поэтому районы должны были стать центрами проведения этой политики, а силы аппарата необходимо было перебросить из районных центров в сельсоветы⁴⁰.

Таким образом, очевидно, что позиция журнала по вопросам районирования была значимой, поскольку отражала взгляды видных деятелей Госплана и ведущих экономистов того времени. Вопрос о недостатках прежнего административно-территориального деления России не занимал внимания в статьях авторов журнала, поскольку следовал заранее выработанному «консенсусу» о том, что оно было не пригодным для новых условий. С учетом всех революционных изменений 1917–1920 гг. это было суровой реальностью. Основное внимание авторы журнала уделили проблеме выработки теоретических основ районирования и практическому его воплощению в жизнь. При этом четко различалось содержание экономического и административного районирования.

Необходимо отметить последовательную позицию известного и авторитетного экономиста Н.Н. Колосовского о том, что за основу целесообразно брать экономический, а не административный и национальный принципы деления. Особое место в дискуссиях того времени отводилось районированию и экономическим перспективам Восточной Сибири, связанным с широкими возможностями использования гидроресурсов р. Ангары.

Значительное место на страницах журнала отводилось вопросам соотношения районирования и национально-государственного строительства. Здесь также не наблюдалось единства мнений: одни авторы считали, что реально достигнутое национальное оформление в автономные республики и области не следует пересматривать, другие, напротив, считали, что главным должен быть принцип экономического цельного района, в рамках которого могут быть решены и национальные задачи. Наконец, журнал выразил четкую позицию по вопросу о ликвидации окружного деления, что вполне оправдалось всей последующей практикой, и высказался за укрепление районного, основного звена административно-территориального деления РСФСР за продолжительный исторический период.

Примечания

¹ См.: Казарин В.Н. Вопросы экономического и административного районирования Сибири на страницах журнала «Северная Азия» // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007. Иркутск, 2007. С. 15–33; Он же. Районирование Сибири и Бурят-Монгольской республики в 1920-е гг.: позиция журнала «Жизнь Бурятии» // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2008. Иркутск, 2008. С. 59–76.

² Генкина Э.Б. О ленинских методах вовлечения интеллигенции в социалистическое строительство (Из опыта государственной деятельности В.И. Ленина в 1921–1922 гг.) // Вопросы истории. 1965. № 4. С. 32–33.

³ Пархоменко А.А. Кржижановский Глеб Максимилианович // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1973. Т. 13. Стб. 1242–1243.

⁴ Чернев А.Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. М., 1996. С. 162.

⁵ Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 675–676.

⁶ Чернев А.Д. Указ. соч. С. 166.

⁷ Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М., 1969. С. 4–7.

⁸ Тоцкий Н.М. Опыт районирования РСФСР (По поводу доклада НК РКК в СНК РСФСР о результатах районирования Урала и Северного Кавказа) // Плановое хозяйство. М., 1927. № 3. С. 266–267.

⁹ Ильин С. Районная и укрупненная волость // Плановое хозяйство. М., 1924. № 3. С. 104–105.

¹⁰ Егоров К. Очередные задачи в районировании // Плановое хозяйство. М., 1926. № 5. С. 192–193.

¹¹ Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917–1929 гг.) / под ред. Г.М. Кржижановского. М., 1957. С. 242, 245.

¹² Шаров С.И. К вопросу об очередных задачах районирования // Плановое хозяйство. М., 1926. № 8. С. 214–215.

¹³ Шаров С. Проблемы районирования в свете текущего дня // Плановое хозяйство. М., 1927. № 6. С. 239, 240.

¹⁴ Александров И.Г. Производственное районирование и его методология // Плановое хозяйство. М., 1928. № 4. С. 47–48, 53.

¹⁵ Колосовский Н.Н. Хозяйство Восточной Сибири и Дальнего Востока в связи с районированием // Плановое хозяйство. М., 1925. № 9. С. 239–240, 257.

¹⁶ Колосовский Н.Н. Проблема порайонной организации хозяйства СССР (В порядке постановки вопроса) // Плановое хозяйство. М., 1929. № 6. С. 21.

¹⁷ Колосовский Н.Н. Хозяйственные проблемы Сибири // Плановое хозяйство. М., 1925. № 5. С. 236, 243.

¹⁸ Белорусец Л.И. Практические моменты построения перспективного плана народного хозяйства Сибирского края // Плановое хозяйство. М., 1926. № 2. С. 302–303.

¹⁹ Колосовский Н.Н. По поводу статьи т. Белорусца «Практические моменты построения перспективного плана народного хозяйства Сибирского края» // Плановое хозяйство. М., 1926. № 2. С. 309–310.

²⁰ Дмитриев Н.И. Научная интеллигенция Сибири в 1918–1919 годах // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.). Т. II. Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 1995. С. 137.

²¹ Новомбергский Н.Я. Проблемы генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края // Плановое хозяйство. М., 1928. № 3. С. 264.

²² Колосовский Н.Н. Перспективы использования р. Ангары в связи с хозяйством Сибири // М., Плановое хозяйство. М., 1929. № 4. С. 253, 263.

²³ Александров И., Малышев В. Проблема реки Ангары // Плановое хозяйство. М., 1930. № 6. С. 218–219.

²⁴ Истнюк Д. К вопросу о промышленном развитии Ойратской автономной области // Плановое хозяйство. М., 1930. № 6. С. 231.

- ²⁵ Никитин Л.П. Районирование за пять лет // Плановое хозяйство. М., 1926. № 3. С. 198.
- ²⁶ Егоров К. Очередные задачи в районировании // Плановое хозяйство. М., 1926. № 5. С. 194–195.
- ²⁷ Черданцев Г.Н. Проблемы хозяйственного строительства национальных автономных республик областей (АССР и АО) // Плановое хозяйство. М., 1926. № 6. С. 195.
- ²⁸ Козловский Н. Экономико-географические данные о национальных автономиях // Плановое хозяйство. М., 1926. № 6. С. 200–201.
- ²⁹ Козловский Н. Экономико-географические данные о национальных автономиях // Плановое хозяйство. М., 1926. № 7. С. 184.
- ³⁰ Черданцев Г.Н. Национальные автономные республики и автономные области в общих контурах генерального плана (Опыт построения ориентировочной схемы) // Плановое хозяйство. М., 1926. № 7. С. 192.
- ³¹ Алексеев А.А. Автономные национальные области и районирование Северного Кавказа // Плановое хозяйство. М., 1925. № 4. С. 375–277.
- ³² Никитин Л.П. Районирование за пять лет // Плановое хозяйство. М., 1926. № 3. С. 200.
- ³³ Никитин Л.П., Колосовский Н.Н. Итоги районирования // Плановое хозяйство. М., 1927. № 3. С. 164, 166.
- ³⁴ Шаров С. Проблемы районирования в свете текущего дня // Плановое хозяйство. М., 1927. № 6. С. 244.
- ³⁵ Тоцкий Н.М. Удельный вес районов РСФСР в 1925/26 гг. // Плановое хозяйство. М., 1928. № 1. С. 253–254, 256.
- ³⁶ Колосовский Н.Н. Проблема порайонной организации хозяйства СССР (В порядке постановки вопроса) // Плановое хозяйство. М., 1929. № 6. С. 23–24.
- ³⁷ Никитин Л.П., Колосовский Н.Н. Итоги районирования // Плановое хозяйство. М., 1927. № 3. С. 165, 168, 172.
- ³⁸ Тоцкий Н.М. Опыт районирования РСФСР (По поводу доклада НК РКИ в СНК РСФСР о результатах районирования Урала и Северного Кавказа) // Плановое хозяйство. М., 1927. № 3. С. 263, 265.
- ³⁹ Енукидзе А. Итоги ликвидации округов и задачи укрепления районов // Плановое хозяйство. М., 1930. № 9. С. 19–21.
- ⁴⁰ Пайкин Я. Районы на новых путях // Плановое хозяйство. М., 1930. № 9. С. 186–187.

В.Г. КИЧЕЕВ

ДОСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЛИБЕРАЛОВ СПРАВА В РОССИИ НАЧАЛА XX в.

В формировании партии Союза 17 октября решающую роль сыграл царский Манифест 17 октября 1905 г., благодаря которому октябристы стали партией крупной торгово-промышленной буржуазии, помещиков, перестроивших свое хозяйство на рыночный лад, чиновников и интеллигенции. Среди них граф П.А. Гейден, А.И. Гучков, М.А. Стахович, Д.Н. Шипов, столичные профессора, адвокаты, деятели науки и культу-